

VIKTORIA PRESSMAN

Все реки идут на ВОСТОК

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Viktoriya Pressman

**Все реки идут на восток.
Стихи разных лет**

«Издательские решения»

Pressman V.

Все реки идут на восток. Стихи разных лет / V. Pressman —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832725-4

В книгу вошли стихи разных лет. Несмотря на то, что прошло время, все реки
идут на восток, а любовь, как и прежде, побеждает смерть.

ISBN 978-5-44-832725-4

© Pressman V.
© Издательские решения

Содержание

К обетованным берегам	6
бездомность	8
Красавица и чудовище	9
Темза река	10
Христос Воскресе	11
If only i could love you twice	12
Против шерсти	13
Весна в Берлине	14
Diamonds of the roads	15
Новое солнце свободы	16
Танцы с волками	17
В моем саду бесчисленных огней	18
Умирающий лед	19
К неминуемой встрече	20
Письмо Бога	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Все реки идут на восток Стихи разных лет

Viktoría Pressman

© Viktoria Pressman, 2017

ISBN 978-5-4483-2725-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К обетованным берегам

Господь как полноводная река
Надежды, милости и жизни Увековечена в веках.
Века, что пали ниц бессильны
Свободу воли изменить,
Свободу истины и чуда,
И пусть нам не дано дожить,
Я где-то там навеки буду
В объятьях Отчих почивать
И наблюдать как птицы, что летят отсюда,
Стремятся к новым берегам
И исчезают в треугольнике бермуды.

бездомность

Оставляя горняя, продираясь впотьмах,
вдруг забыть этот вздох, этот взгляд...
По-иному взглянуть на цветы бытия,
Зацвести посреди февраля
и в июле выпустить цвет
в череду новых лет
и поверить опять, никого не принять,
отпустить словно дым
и лишь только одна и лишь только один
такой же отчаянный, резкий, прямой,
свой, понятный, родной.
Мы как звезды блуждаем в ночи окружающей злобы,
и бездомность нас гонит к новым дорогам,
мы не знаем пути иного
лишь только в Царство Бога живого
все дороги страдальцев бездомных идут.
Все думают, что мы плохие,
и нас не любили и мы не любили,
мы пили живую воду,
и так много ее расплескалось в дорогах,
потерявшим так много,
открыты ворота для чуда,
благодарностью Богу
уляжется новая выюга.

Красавица и чудовище

Промежность времени, пространства, счастья,
Структура Бытия.
Глаза и снасти, якоря, что тянут в прошлые разлуки,
Но больше нет ни сил ни муки
Терять и думать по чем зря.
Безмерные глаза печали и чьей-то прухи,
Рычанье раненого зверя, чудовища,
А кто же я?
В чудовище красавица жила,
А в темном полусвете
И в предрассветном шелесте и ветре
Красавица грозой обернулась
И падалью запахло изо рта.
Мы монстры ночи, мы дети солнечного дня,
Нашедшие свою любовь
И потерявшие ее по пьяни навсегда.
И больше не любя все ж верить в чудо.
Вот, жизнь волной смывает смерть,
Но все же просится уйти отсюда.

Темза река

А если так – в полноте, в ожидании чуда,
Позабыв друг про друга.
Да, в полноте, словно Солнце лучами во вне, —
Непредвзято, свободно.
Все как надо и все по нутру.
Волны Темзы стучат в берега
Из камней и домов и людей.
Волны Темзы несут корабли и секунды морей,
Прорезая как истины нить серебристой иглой
Новострой и поверхностный блеск,
Все ж несет сквозь века
Темза река
Старой истины гул,
Новой истины свет.

Христос Воскресе

Господь, Он больше всех любит
Вот этих бездомных в коробках бездомных
С глазами как буря.
Господь, Он был странник и словно как ветер
И Он не осудит поломанных судеб.
Их взгляд быстротечен и нету в нем боли,
Ведь пуще неволи свобода от чисел.
Главу преклоню на груди у чуда.
Христос наш Воскресе,
И все мы там будем.

If only i could love you twice

Если бы можно было мне любить дважды... Смогла бы я любить как прежде.. Или только однажды мое сердце пронзали стрелы. Я иду тебе навстречу, но там вдалеке ничего не вижу.. Все так быстротечно, брызжет волнами у пояса и ниже. В твоей отороченной бархатом жизни есть ли место для чуда? Можешь ли ты стать нищей, погрузившись в глаза друг друга, можешь ли ты быть нежной, опрокинув бокал за встречу... Все же стать немного той прежней и еще немного беспечней. С пеной у рта смеяться, обжигаясь при встрече глазами, и все-таки не отдаться тому мигу волшебства и удачи. Я тебя не держу и не неволю. У меня по соседству вечность. Колокольный звон и птицы щебечут. И почти хочется поверить в то, что наша встреча состоится. На краю бушующей бездны прозвучит снова песня детства...

Против шерсти

И в той зоне дипломатической культурной неприкосновенности, где мне все можно, – причесал бы кто против шерсти. Апогей осторожности – свернуться пытливым комочком скукоженной совести, и тогда может быть зажгутся лампочки бессмертия. Покинуть зону отчужденности и встать на стезю неизбежности, прорываясь вперед словно истина и на ходу обрастая стержнями.

Весна в Берлине

И вот я снова вспарываю кожу дорог.
(Весна вспарывает живот зимы.)
Я проникаю глубоко в ее нутро.
Я вместе с горячей кровью теку по ее артериям,
я щурюсь от солнца – морщины у глаз становятся новыми руслами
бурных весенних паводков.
И словно слеза по водосточным трубам
льется радость новой жизни.
Я ступаю нежно по обнаженным мускулам бездорожья.
Осторожно, безмятежно.
Все увереннее поют птицы.
Дети – самые заинтересованные на этом празднике жизни.
Триумфальные арки, бранденбургские ворота, системы
лояльностей для постоянных клиентов.
Как все это ново и жестоко.
Парк Тельмана и улица Маркса.
Пригретые на груди евреи.
Бундесмарка диктует новую моду, показывает античность
и воплощает любовь к труду.
Несмотря на кризис перенаселенности и непогоду.

Diamonds of the roads

And all the diamonds of the roads that you admired
Will make you closer to the things that you desire
Deserve or not – all passions, glories
(like ancient dutchess in the castle) —
All various restrictions, neverending stories
Of love and freedom in the book of Zion
The ancient wisdom of the truth
Will always lead you from somewhere behind.

Вторая свежесть

И вдруг показалось, что это как твоя и моя вторая свежесть,
которая пронеслась перед глазами вместе с солнечным бурлящим
днем и улеглась в ногах мартовским междустрочьем, почти
мертвецки пьяным на пике сарацинской крепости с сигарой
во рту, прочувствовав едва ли твой обнаженный смысл, твою
красоту, которую мне заново позволили познать на берегах
обретенного рая.

Новое солнце свободы

Отпускаю своих демонов на волю. Выхожу из неволи на дорогу.
Светит новое солнце свободы. Меня обижают, забывают,
не прощают, все видят мою оболочку, а не нутро, и дарят
бесчестие. Впрочем как и я..

Я давно залезла в свой панцирь. Моя вселенная больше чем
государство. Просто больше нет никого. Расчищено пространство.
До пределов допустимого лимита и раздето полностью сердце
поэта. Нет желаний и мечты больше нету. Все вокруг поглотилось
мечтой.

Странник – и ничего великого. НИ там и не здесь. Ни с кем. Мы
никому по настоящему не нужны. Кроме Бога. И у нас здесь нет
дома.

Что сказать тебе, друг?

Все слишком печально? Или скорее мистериально..

Наполнено смыслами линий и передач..

Мистерии древних инков, этрусков и каролингов, ключи соломона
и аппиева дорога.

И на всем рука Бога – верховного судьи и архитектора. И на всем
печать красного кумача... Тревога...? Быть всегда неготовой,
нетерпеливой оторвой, забывая задняя и простираясь вперед
с порога.

Танцы с волками

Я не помню, когда начались они, эти танцы с волками.. Давно.. А потом начались танцы с дубами, танцы с морями, танцы с ветрами. И ламий пронзительный крик разрезал небеса в предрассветной печали. Каждый крик словно вспоротый миг, еще один волк для стаи. Хоть все в лес, как его не корми, но давно уж отбился от стаи тот огненный волк. Иногда убегает в пустыню, чтобы снова вспомнить о доме своем. Интересно, в книге судеб прописаны ли наши встречи, отороченные серебром? Интересно, кто из нас останется все же живым огнем? Кто будет греть несмотря на жестокость и гореть не жалея о том, что впроголодь. Босиком по камням и по соснам поглощая уже осторожно живьем новые весны, когда чаши весов опыта и ошибок достигнут баланса оков благоразумной сдержанности. И когда жестокость наших дней и ночей для кого-то станет беспамятством, а кому-то обернется одиночеством потерь и жалом в плоть. Пусть не так высоко и быстро как раньше, но спокойно и уверенно, ближе к земле, большими сильными крыльями, рассекая пространство и время. И я не жду от тебя ничего кроме прощения. Прощение лучше забвения, – поверь, забвение душит, наступает на горло птице-судьбе, вырастает стена там, где могла бы родиться река новых смыслов. Пойми, молчание змеи не лучше, чем голубя воркование. Я не знаю где ты и кто ты сейчас, и это мое наказание за наше с тобой преступление. Мое проистекание впрочем от этого глубинно не пострадало. Я все же очень устала от того, что тебя нет в досягаемости. Впрочем как и кого-то другого – на замену или вместо или до тебя. Не хватает немного иного бытия. Где все прощены и рады и несмотря на то, что все можно, никто не наказан. Разве такое возможно? Положа руку на плаху скажу, что даже если такое возможно, мы выберем то, что сложно и то, что меняет (как дождь, что смывает зиму) меланхолию на грусть.

В моем саду бесчисленных огней

В моем саду бесчисленных огней,
Где звезд так много,
Там, в череду ушедших дней
Бежит дорога.
Идет пустынный,
На ветру расправив крылья,
И в непогоду и в тоску
Ступает сильно,
Не повредив при этом
Аспида и василиска,
И по камням и по воде
Идет и по долинам низким,
Где прячутся от глаз ненужных и чужих
Средневековые станицы,
И словно стук его шагов,
На колокольне бой часов
Как сердце начинает биться.
И только лишь восход
На обрамленье мира расцветет,
Как он уйдет,
Оставив позади
Всех, кто пытался с ним сродниться.
На перекрестках солнечных дорог,
Где гермы собраны в залог, что путника
Ведет его звезда и даже Рок
не занесет над ним своего острого меча,
Хоть путь назад и вверх и вниз – один и тот же путь,
Все ж странника ведет его звезда,
И приведет куда-нибудь,
Пусть только будет верен ей всегда,
И поворотом светлого чела,
Не выкажет сомненья
И не застынет навсегда,
Забыв Завет Творца с твореньем.

Умирающий лед

О чем молчали льды?
О паводках весны,
О брызгах солнечного света,
О том, как быстро будет их нести к рассвету,
Когда растает словно лед
Последний искромет.?
О чем молчали льды?
О рыбаках умелых и спокойных,
О домах и об огнях?
Быть может все же они молчали
о том, что невозможен
Им путь назад.
Зима отдаст свои права,
И лед растает,
Последней льдинки слез не станет,
И музыка других ветров
На крыльях принесет любовь.

К неминуемой встрече

Льды, что плыли, — молчали,
А прибрежные льды журчали
И словно бы на свирели играли
Волны реки хрусталем.
Мгновения стояли, текли и дышали,
Едва ли
Коснувшись нутра серебристым ручьем.
Мы шли и молчали,
Хотя понимали,
Что сможем едва ли
Сокрыть нашу тайну.
Вдвоем
мы застыли, оставив на время вопросы морали,
не смея растаять,
Но все ж наслаждаясь огнем.
Потом мы расстались,
Как сны разбежались,
На прощанье оставив все на потом,
А потом мы сражались и опять приближались
К неминуемой встрече
С растаявшим льдом.

Письмо Бога

Ну вот, ты теперь можешь летать,
Я тебя отпускаю опять,
Я тебя отпускаю снова,
Ведь теперь ты готова
Не поворачивать вспять,
(Хоть вперед и назад – это один и тот же путь,
Все ж не в распад и не в тьму ускользнуть
Липкой тварью из нижних миров, —
Ты их не прижимай к груди,
Тебе с ними не по пути.)
И открыта полету дверь.
Я тебя никогда не держал,
Была скована твоя душа,
Вся трещала по швам и дышала едва,
А теперь заплатив сполна
По старым и новым счетам
К обретению свободы готова,
Я тебя отпускаю снова
К берегам долгожданной свободы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.